

ИВАНОВ Михаил Романович,
магистрант,
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия,
e-mail: ivanovmikhail5302@gmail.com

ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СУДЕБНОЙ МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются риски недобросовестного использования процедуры медиации на судебной стадии разрешения спора между сторонами. Автором также затрагивается вопрос использования досудебной медиации во вред другим участникам процедуры и правопорядку в целом. Рассматриваются отдельные способы злоупотребления правом на медиацию. Предлагаются отдельные законодательные механизмы устранения обнаруженных рисков: от расширения полномочий суда по обнаружению недобросовестного поведения участников медиации до конкретных мер процессуальной ответственности. В конце статьи автор приходит к выводу, что активное внедрение судебной процедуры без предусмотренных процессуальным законом гарантий на добросовестное использование процедуры будет снижать интерес тяжущихся сторон к этому способу альтернативного разрешения споров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиация, примирительные процедуры, злоупотребление процессуальными правами, процессуальная добросовестность, гражданский процесс, арбитражный процесс, правосудие.

IVANOV Mikhail Romanovich,
Master's Student,
Yaroslav the Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

POSSIBLE RISKS OF ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS WHEN USING JUDICIAL MEDIATION IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

ANNOTATION. The article discusses the potential risks of unfair use of mediation as a means of resolving disputes at the judicial level. The author also raises the issue of the potential misuse of pre-trial mediation, which could be detrimental to other participants in the legal process and the rule of law more broadly. Separate ways of abusing the right to mediation are considered. Separate legislative measures are proposed to address the identified risks: from expanding the powers of the court to detect unfair behavior of mediation participants to particular measures of procedural responsibility. Towards the conclusion of their article, the authors arrive at the following conclusion: the proactive implementation of judicial proceedings without the necessary procedural safeguards may reduce the parties' inclination to engage in mediation.

KEY WORDS: mediation, conciliation procedures, abuse of procedural rights, processual good faith, civil process, arbitration process, justice.

Медиация как процедура примирения сторон обладает большим потенциалом и преимущества ее внедрения очевидны. Например, медиация позволяет разрешить спор между сторонами либо без привлечения суда вовсе, либо без его существенного участия. Тем самым снижается нагрузка на судебную систему, а сами суды могут перенаправить свои ресурсы на разрешение иных, более сложных и комплексных споров.

Таким образом, перспективность и привлекательность института медиации в цивилисти-

ческом процессе заключается в обеспечении принципа процессуальной экономии для всех его участников.

В то же время, существующая правовая регламентация медиации создает простор в недобросовестном использовании сторонами процедуры. Говоря иначе, нынешнее состояние медиации обеспечивает стороны возможностью использовать процедуру в качестве процессуального злоупотребления.

На практике использование медиации как разновидности процессуального злоупотребле-

ния весьма вариативно. Недобросовестное применение разнится от элементарного стремления одной стороны затянуть рассмотрение дела или отложить начало судебного разбирательства до обоюдного использования результатов процедуры в качестве обхода действующего правопорядка.

По этой причине необходимо установить риски процессуальных злоупотреблений, которые могут возникнуть при массовом использовании медиации на досудебных и судебных стадиях разрешения споров.

Чтобы понять, как медиация может использоваться в качестве злоупотребления правами в процессе необходимо определить содержание самого понятия «злоупотребления процессуальными правами».

Отметим, что понятие злоупотребления процессуальным правом, как и понятие процессуальной добросовестности не закреплено в качестве легальной дефиниции в профильных законах – АПК РФ и ГПК РФ.

Существует только общее положение о том, что все участники судебного процесса должны добросовестно пользоваться своими процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ и ч. 1 ст. 35 ГПК РФ). По этой причине понятие «процессуальных злоупотреблений» и его содержание выводится практикой из конкретных судебных казусов [1, стр. 124], т.е. через судебское усмотрение.

Например, в судебной практике злоупотребление процессуальными правами расценивается как действия лица, нарушающие права и интересы других лиц и направленные на затягивание судебного процесса [2].

В науке под злоупотреблением процессуальными правами может пониматься «их осуществление тяжущимися для достижения целей, несогласных с целью процесса – правильным и скорым разрешением дел» [3, стр. 611].

По мнению А.В. Юдина, злоупотребление процессуальными правами – это гражданские процессуальные правонарушения. То есть противоправные, вредоносные процессуальные действия/бездействия участников процесса, совершаемые ими с видимостью реализации прав для ущемления интересов иных лиц и правосудия в целом [4, стр. 33].

На основе указанных определений, можно установить, что злоупотребление процессуальными правами – это особый вид процессуального правонарушения, совершаемый лицами в виде действий или бездействий, противоречащих целям и задачам судопроизводства и влекущий в качестве последствий причинение вреда другим участникам разбирательства и (или) правосудию в целом.

Главной особенностью процессуальных злоупотреблений является то, что они могут проявляться в любом институте процессуального права. Институт медиации исключением также не

является. Поэтому дальше будут рассмотрены несколько наиболее вероятных рисков с которыми может столкнуться общество и государство.

Первым из возможных рисков является использование недобросовестной стороной спора медиации для затягивания судебного разбирательства.

В особенности, интерес недобросовестной стороны может проявляться:

– в сборе или уничтожении доказательств, для усиления своей позиции или ослабления позиции другой стороны.

– в отсрочке исполнения обязательства;

– в использовании времени на проведение медиации для вывода активов, уменьшения массы или сокрытия спорного имущества.

В качестве примера использования медиации для отсрочки возврата долга можно привести решение Среднеахтубинского районного суда от 15.05.2017 по делу № 2 366/2017 [5]. Суть спора сводилась к следующему: между гражданином и ИП заключен договор на оказание услуг по изготовлению и установке соснового сруба на готовый фундамент. Свои обязательства по договору гражданин выполнил в полном объеме, в отличие от ИП, который к моменту подачи иска не внес оплату в размере 869 000 руб. Посредством претензионного обращения и устных заявлений, гражданин смог вернуть 330 000 руб. Впоследствии обе стороны решили прибегнуть к процедуре медиации. Между гражданином и ИП было подписано медиативное соглашение по вопросу возврата задолженности. Соглашением был определен максимальный срок медиации – 180 дней. Однако по истечении предельного срока процедуры, обязательство ИП исполнено не было. Из-за чего гражданин был вынужден обратиться в суд.

Из общего определения, ранее сформулированного нами, следует, что злоупотребление процессуальными правами является особым видом процессуальных правонарушений. Соответственно, злоупотребление правом на медиацию будет возникать только в том случае, когда сторона ставит своей целью затянуть производство по делу и извлечь из этого затягивания определенную выгоду.

На это могут указывать: несоблюдение установленного порядка судебного примирения; неявка на заседание судебного примирения; безосновательные просьбы об отложении, переносе заседаний; нарушение согласованных сроков представления документов; уклонение от конструктивного обсуждения предложений оппонента и т.д. [6].

В случае, когда сторона либо стороны ходатайствуют о проведении примирительной процедуры или соглашаются с предложением суда о ее проведении, суд при необходимости выносит определение об отложении судебного разбирательства (ч. 2 ст. 138.1 АПК РФ и ч. 2 ст. 153.2

ГПК РФ).

Суд имеет право отложить судебное разбирательство на срок не превышающий 2 месяцев, в связи с намерением сторон урегулировать спор через примирение, при подаче ими соответствующего ходатайства (ч. 7 ст. 158 АПК РФ и ч. 1 ст. 169 ГПК РФ). Установленный процессуальными кодексами срок является пресекательным и соответственно продлению не подлежит.

Согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ «О медиации»), если спор передан на рассмотрение суда, то допускается применение медиации в любой момент производства по делу, но до момента принятия решения по спору, т.е. до момента удаления судьи в совещательную комнату.

Ст. 13 ФЗ «О медиации» предусматривает, что сроки проведения процедуры устанавливаются сторонами соответствующим соглашением. При этом максимальный срок проведения медиации, без исключительных оснований для продления процедуры, составляет 60 дней или 2 месяца.

Как отметил Верховный суд РФ: Суд не вправе по собственной инициативе устанавливать срок для проведения процедуры медиации, отличный от срока, определенного сторонами в соглашении о проведении такой процедуры. При этом указанный в соглашении срок не может превышать срок, установленный в Законе о медиации» [7]. Следовательно, Верховный суд РФ установил приоритет положений ФЗ «О медиации» над положениями процессуальных кодексов.

Между тем сроки производства по делу в зависимости от вида судопроизводства весьма различны. Так, ст. 154 ГПК РФ установлен весьма непродолжительный общий срок рассмотрения гражданских дел – 2 месяца.

В ст. 152 АПК РФ такой срок установлен в 6 месяцев.

Как отметил Верховный суд: «если процедура медиации была проведена сторонами до обращения в суд, но по каким-либо обстоятельствам спор был передан на рассмотрение суда и стороны вновь приняли решение о ее проведении (ч. ч. 3 и 4 ст. 7 Закона), то в этом случае суд может отложить рассмотрение дела не более чем на 60 дней, независимо от продолжительности предыдущей процедуры» [8].

Таким образом, может возникнуть проблема, когда сторонами спора установлен максимальный 2-х месячный срок медиации и одна из сторон использует процедуру в целях затягивания процесса, а суд не может уменьшить этот срок. При этом ходатайство о проведении процедуры может быть подано спустя значительное время от начала производства по делу. Если в ходатайстве будет определен максимальный 2-х месячный срок проведения процедуры, то производство по делу выходит за временные рамки, установлен-

ные ст. ст. 154 ГПК РФ и 152 АПК РФ. И хотя по заявлению Верховного суда РФ это не является нарушением разумных сроков разбирательства [8], такая позиция высшей инстанции может быть уместна только в случае добросовестного использования медиации сторонами. В противном случае, как раз и возникает нарушение разумных сроков производства. Это же происходит и в случае, когда недобросовестная сторона уговорила своего оппонента на повторное участие в медиации, но уже на стадии рассмотрения дела судом.

Учитывая, изложенное, суд все-таки рискует нарушить процессуальный срок рассмотрения дела по существу. В свою очередь это является негативным последствием для него самого и нарушением права добросовестной стороны на производство в разумные сроки. Поэтому важным в обеспечении эффективности процедуры судебного разбирательства является установление приоритета положений и принципов процессуальных законов над законом о медиации. Например, начальный срок проведения судебной медиации можно установить в 30 дней, с возможностью его продления судом до 60 дней. Будет более полно реализовываться принцип судебного руководства. Суд сможет самостоятельно устанавливать необходимость медиативной процедуры, исходя из действительной потребности сторон в её проведении.

Вторым из возможных рисков является использование медиации сторонами для утверждения недействительных сделок.

Например, гражданин обратился в суд общей юрисдикции с иском к обществу о взыскании 500 миллионов рублей по договору купли-продажи земельного участка. Решением суда в удовлетворении иска отказано.

По результатам рассмотрения дела судом апелляционной инстанции отказано в утверждении представленного сторонами мирового соглашения, по условиям которого общество обязалось добровольно выплатить истцу заявленную сумму. Апелляционный суд отказывая в утверждении соглашения исходил из того, что договорная цена участка существенно превышает его кадастровую стоимость. Само общество не занимается тем видом деятельности, который бы соответствовал виду разрешенного использования участка. В конечном итоге, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о прикрытии с помощью мирового соглашения незаконной сделки [9]. Хотя в указанном случае процедура медиации не упоминается, сам по себе пример является примечательным с той точки зрения, что медиация может использоваться в обход действующего законодательства.

Можно, в частности, обозначить тенденцию использования досудебной медиации для совершения незаконных финансовых операций сторонами при отсутствии действительного спора о праве между ними [10, 11]. В упомянутых случаях

процедура использовалась в целях последующей легализации и обналичивания денежных средств через добровольное или принудительное исполнение медиативного соглашения.

Для устранения указанного риска можно было бы установить условие о наличии у медиатора высшего юридического образования при посредничестве в разрешении сложных категорий споров (преимущественно тех, что носят сугубо экономический характер). В перспективе введение такого образовательного ценза будет способствовать уменьшению количества недействительных сделок. В противном случае, из-за нехватки ряда компетенций в подобных спорах медиация превращается не в способ урегулирования, а в источник новых тяжб.

Третий риск непосредственно связан с предыдущими и заключается в возможности суда выявить и предотвратить злоупотребление правом на медиацию.

Фактически, возможность у суда выявить процессуальное злоупотребление при использовании медиации появляется лишь на стадии окончания её проведения. Объясняется это в том числе и тем, что суд должен исходить из презумпции добросовестности лиц, использующих любую из процедур примирения (п. 2 ПП ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе») [12]. Тем не менее, существует и другая преграда, не позволяющая суду выявить злоупотребление ex-ante.

Если обратиться к институту судебного примирения, то процессуальными кодексами предусмотрена возможность суда обратиться к судебному примирителю для получения информации о ходе процедуры (ч. 5 ст. 153.6 ГПК РФ и ч. 5 ст. 138.5 АПК РФ). Представляется, что в случае получения запроса, судебный примиритель может также отразить информацию о недобросовестности одной из сторон при проведении процедуры.

Возникает вопрос: есть ли аналогичная возможность у суда, но в рамках процедуры медиации? Кодексы такую возможность не предусматривают. Не содержит такого полномочия суда и ФЗ «О медиации». В силу положений ст. 5 названного закона, вся информация, относящаяся к медиации носит конфиденциальный характер. Если стороны не договорились об ином, то истребование от медиатора информации не допускается. Соответственно медиатор не может быть допрошен судом и как свидетель о тех обстоятельствах, ставших ему известными в связи с проведением примирительной процедуры. То есть суд не может, без предварительного согласия сторон, узнать о ходе примирительной процедуры и о добросовестности сторон при ее проведении.

В свою очередь медиатор аналогичным образом лишен возможности воспрепятствовать злоупотреблению сторон, прекратив процедуру, т.к. для этого нужно согласие участников процедуры (п. 3 ст. 14 ФЗ «О медиации»).

В ФЗ «О медиации» смешиваются две разные по своему содержанию категории: сведения о существе спора и сведения о поведении сторон в ходе медиации. По совокупности указанных причин, на сегодня суд лишен возможности оперативно получить информацию от медиатора о недобросовестном поведении стороны. Медиатор, в случае выявления допущенного стороной процессуального злоупотребления, лишен возможности как сообщить суду об этом, так и прекратить процедуру без согласия злоупотребившей стороны [13].

Решение проблемы видится в возможности разграничить эти категории сведений и внедрить возможность суда запрашивать информацию об поведении лиц по аналогии с механизмом судебного примирения.

С другой стороны, конфиденциальность процедуры может служить для суда самостоятельным способом противодействия злоупотреблением правом на медиацию. В частности, для пресечения возможности стороной использовать, полученные во время процедуры сведения как самостоятельные доказательства. Например, если сторона попытается использовать конфиденциальную информацию для доказывания своей позиции, то другая вправе на это возразить. Если суд, действительно, осуществляет руководство процессом, то опираясь на полученное от другой стороны возражение, он становится обязан выяснить природу происхождения представляемого доказательства. В случае, когда подтверждается возражение стороны и источник доказательства – процедура медиации, суд становится обязан исключить подобное доказательство [14].

Четвертым риском является несовершенный механизм ответственности за выявленные злоупотребления при проведении медиации.

Регламентация использования процедур примирения в процессе не должна сводиться лишь к закреплению за сторонами возможности их применить. Без установления профилактических мер за недобросовестное поведение отсутствует возможность обеспечить использование той или иной процедуры в соответствии с целями и задачами процесса.

На сегодня механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям не является целостным. Например, законодателем в обоих кодексах по-прежнему не закреплены нормы, позволяющие суду наложить штраф на лицо, злоупотребляющее своим правом. Отдельные нормы, регламентирующие противодействие процессуальным злоупотреблениям присутствующие в ГПК РФ, могут отсутствовать в АПК РФ и наоборот.

Так, в арбитражном процессе предусмотрена возможность суда наложить на злоупотребляющее процессуальными правами лицо обязанность компенсировать добросовестной стороне все судебные расходы вне зависимости от исхода дела

(ст. 111 АПК РФ). Однако не предусмотрена возможность взыскания компенсации за фактическую потерю времени, как это установлено ст. 99 ГПК РФ.

В п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 изложена уточняющая ст. 111 АПК РФ позиция: если поведение стороны, обратившейся с ходатайством об отложении в связи с проведением примирительной процедуры, очевидно свидетельствует об отказе или уклонении от участия в процедуре, то суд может отнести на такую сторону все судебные расходы. Главное, чтобы причины отказа или уклонения от такой процедуры были неуважительными и направлены на затягивание арбитражного судопроизводства [12]. Позже, аналогичную позицию сформировал Верховный суд РФ, но уже для гражданского процесса [7].

В гражданском процессе, наоборот, возможность взыскать компенсацию за фактическую потерю времени есть, а отнесение расходов на злоупотребившее лицо прямо кодексом не предусмотрено. При этом, в связи с неясным содержанием ст. 99 ГПК РФ эта норма практически не применяется (в частности, непонятно как определить систематичность противодействия своевременному рассмотрению дела и оценить стоимость потраченного времени).

Однако в правоприменительной практике положительных примеров применения указанной процессуальной ответственности относительно злоупотребления правом на медиацию (прочими примирительными процедурами) найти не удалось.

Например, возникает высокая вероятность того, что недобросовестная сторона после установления договоренностей с другой стороной о заключении мирового соглашения, начинает уклоняться от встреч и обсуждений, касающихся его оформления. В апелляционном определении Тверского областного суда от 20.11.2014 по делу № 33-4358 четко прослеживаются последствия от уклонения стороны от заключения мирового соглашения [15]. Обстоятельства обращения в апелляционный суд были следующими: между истцом и ответчиком принято решение о заключении мирового соглашения. Истец доверился ответчику и по этой причине решил отказаться от иска. После того как суд принял отказ от иска, ответчик начал уклоняться от заключения мирового соглашения. Из-за недобросовестности ответчика истец пропустил срок обжалования определения суда. По итогу, областной суд отказал истцу в восстановлении пропущенного срока, признав причины пропуска не уважительными.

Аналогичная практика сформирована и в арбитражном процессе. В деле № А40-25610/16 апелляционный суд указал на несостоятельность аргументов заявителя о том, что судом проигнорированы доводы о злоупотреблении процессуальными правами противоположной стороны

при отказе от заключения мирового соглашения. Суд указал, что заключение мирового соглашения является правом, а не обязанностью стороны. Отказ от заключения мирового соглашения не свидетельствует о недобросовестности или злоупотреблении правом. Суд первой инстанции, установив, что мировое соглашение фактически не заключено, поскольку истец отказался от него, правомерно не исследовал ни условия мирового соглашения, ни позицию второй стороны. Соответственно обоснованно отклонил ходатайство ответчика [16].

Мейнстримная позиция судов, таким образом, сводится к следующему: лицо вправе отказаться от подписания мирового соглашения без каких-либо последствий, даже несмотря на то, что такое соглашение оно одобрило.

Из этой позиции возникает проблема, когда сторона получает возможность выйти из процедуры медиации без объяснения причин либо на поздней стадии проведения. Подобное поведение по мнению судов, не будет свидетельствовать о недобросовестности действий стороны. Следовательно, все негативные последствия возлагаются исключительно на сторону, базово полагавшуюся на добросовестность другой стороны спора.

Фактически сторона, которая не обращалась с ходатайством о проведении медиации может без последствий затягивать процесс, извлекая выгоду из своего недобросовестного поведения. В то время как механизм, который бы позволял выявить это поведение фактически отсутствует.

Единственным действенным механизмом противодействия правом на медиацию, пожалуй, является применение судом принципа эстоппель. Механизм работы эстоппеля, безотносительно применения только к исследуемой в статье процедуре, выражается в запрете резкого изменения своей процессуальной позиции. В контексте медиации, например, истец не сможет после медиации полностью отказаться от первоначальных требований и предъявить совершенно новый иск, основанный исключительно на информации от ответчика [14].

Одним из вариантов минимизации четвертого риска было бы закрепление следующих мер ответственности:

– *отдельно установить возможность суда возлагать судебные расходы за проведение медиации на любую сторону, затягивавшую процесс через процедуру, а не только на ту, что обратилась в суд с соответствующим ходатайством.*

– *установить правомочие суда делать выводы в пользу добросовестной стороны, при условии необоснованного уклонения другой стороны от участия в процедуре.*

В заключение отметим: завершение примирения без достижения результата само по себе не свидетельствует о недобросовестности его участников. Тем не менее, можно говорить о том, что действующие правовое регулирование имеет

пробелы, которые могут быть использованы стороной процесса для недобросовестных действий.

При активном использовании процедуры медиации в судебном разбирательстве, указанные риски обязательно дадут о себе знать, если не предпринять мер к их законодательной минимизации. В противном случае, злоупотребление

правом на примирение будет наносить вред не только правосудию, но и добросовестной стороне, которая не сможет рассчитывать на справедливую компенсацию в текущих условиях. Отсутствие гарантий, закономерно снижает привлекательность альтернативных способов разрешения конфликтов.

Список литературы:

[1] Епатко М.Ю. Противодействие злоупотреблению процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2019. № 2 (86). С. 120-154.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 20.04.2018 № 305-АД18-7 по делу № А40-70923/2017. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=536612&ysclid=mnip933y5n703874612#BkZbiFVimyggjYc41> (дата обращения 10.03.2026).

[3] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.

[4] Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.15 / Юдин Андрей Владимирович; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2009. – 47 с.

[5] Решение Среднеахтубинского районного суда от 15.05.2017 по делу № 2-366/2017. // Среднеахтубинский районный суд Волгоградской области. URL: https://ahtub--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=569071756&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения 10.03.2026).

[6] Тимофеев Ю.А. Злоупотребление правом на примирение // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 16-17.

[7] «Справка о практике применения судами Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/?ysclid=mnipchlanb385945779 (дата обращения 10.03.2026).

[8] «Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.06.2012). // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=289589&cacheid=096667BD1CCAEC9A2AC56562B0DDD5C2&mode=splus&rnd=UM3yPA#EusciFVmKW4LVuIM1> (дата обращения 10.03.2026).

[9] «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020). // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=356732&cacheid=BFC058F3CCC61189E5845B2591955251&mode=splus&rnd=rZCyKQ#naFdiFVmB6J3trZM> (дата обращения 10.03.2026).

[10] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа № Ф01-7684/2023 от 25.04.2025 по делу № А43-35746/2022. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/85606370-5f74-41f6-bc89-fb7e6f010dc9> (дата обращения 10.03.2026).

[11] Решение Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60-48634/2022 от 14.02.2023. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30b7591c-b435-401d-a3b0-0737be5b70ef> (дата обращения 10.03.2026).

[12] Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе». // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166542&cacheid=39F77939C758ADD9C997B9104E2DE910&mode=splus&rnd=UM3yPA#UIndiFV0gX5a6W51> (дата обращения 10.03.2026).

[13] Иванова Е.А., Соломеина Е.А., Хрущелова Т.С., Шереметова Г.С. О противодействии злоупотреблению процессуальными правами при использовании медиации как примирительной процедуры // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 4. С. 36-44.

[14] Малюшин К.А. Процессуальные последствия процедуры медиации: допустимость изменения исковых требований и встречного иска в контексте принципов диспозитивности и добросовестности // Вестник гражданского процесса. 2025. N 4. С. 288-298.

[15] Апелляционное определение Тверского областного суда от 20.11.2014 по делу № 33-4358. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=499692&cacheid=399E7CF40D90669BF7418F79053728F9&mode=splus&rnd=UM3yPA#6daeIFVpYutvI2BI> (дата обращения 10.03.2026).

[16] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.07.2018 № 09АП-24860/2018 по делу № А40-25610/16. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/550a2f2f-f1e1-4282-91b7-fb321c147949> (дата обращения 10.03.2026).

References:

[1] Epatko M.Yu. Counteracting the Abuse of Procedural Rights in Arbitration Proceedings // *Arbitration Disputes*. 2019. No. 2 (86). Pp. 120-154.

[2] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 20, 2018 No. 305-AD18-7 in case No. A40-70923/2017. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=536612&ysclid=mnip933y5n703874612#BkZbiFVimyggYc41> (date of access March 10, 2026).

[3] Vas'kovsky E.V. *Civil Procedure Course: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions*. Moscow: Statut, 2016. 624 p.

[4] Yudin A.V. Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings: Abstract of the Dissertation ... Doctor of Law: 12.00.15 / Yudin Andrey Vladimirovich; [Place of Defense: St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2009. 47 p.

[5] Decision of the Sredneakhtubinsky District Court dated May 15, 2017, Case No. 2-366/2017. // Sredneakhtubinsky District Court of Volgograd Region. URL: https://ahtub--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=569071756&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed 10.03.2026).

[6] Timofeev Yu.A. Abuse of the Right to Reconciliation // *Arbitration and Civil Procedure*. 2023. No. 7. pp. 16-17.

[7] «Certificate on the Practice of Applying the Federal Law of 27.07.2010 No. 193-FZ «On the Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)» by the Courts for 2015» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22.06.2016). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/?ysclid=mnipchla nb385945779 (accessed 10.03.2026).

[8] «Reference on the practical application of the Federal Law «On an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 06.06.2012). // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=289589&cacheid=096667BD1CCAEC9A2AC56562B0DDD5C2&mode=splus&rnd=UM3yPA#EusciFVmKW4LVuIM1> (accessed 10.03.2026).

[9] «Review of Certain Issues of Judicial Practice Related to the Adoption of Measures by Courts to Combat Illegal Financial Transactions» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 08.07.2020). // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=356732&cacheid=BFC058F3CCC61189E5845B2591955251&mode=splus&rnd=rZCyKQ#naFdiFVmb6J3trZM> (accessed 10.03.2026).

[10] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District No. F01-7684/2023 dated 25.04.2025 in case No. A43-35746/2022. // Arbitration case file. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/85606370-5f74-41f6-bc89-fb7e6f010dc9> (accessed on March 10, 2026).

[11] Decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region in case No. A60-48634/2022 dated February 14, 2023. // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30b7591c-b435-401d-a3b0-0737be5b70ef> (accessed on March 10, 2026).

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 18, 2014 No. 50 «On Reconciliation of the Parties in Arbitration Proceedings». // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166542&cacheid=39F77939C758ADD9C997B9104E2DE910&mode=splus&rnd=UM3yPA#UIndiFV0gX5a6W51> (accessed 10.03.2026).

[13] Ivanova E.A., Solomeina E.A., Khrushcheleva T.S., Sheremetova G.S. On countering the abuse of procedural rights when using mediation as a conciliation procedure // *Electronic supplement to the Russian Law Journal*. 2022. No. 4. pp. 36-44.

[14] Malyushin K.A. Procedural Consequences of the Mediation Procedure: Admissibility of Amending Claims and Counterclaims in the Context of the Principles of Dispositiveness and Good Faith // *Bulletin of Civil Procedure*. 2025. No. 4. pp. 288-298.

[15] Appellate Ruling of the Tver Regional Court of 20.11.2014 in Case No. 33-4358. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=499692&cacheid=399E7CF40D90669BF7418F79053728F9&mode=splus&rnd=UM3yPA#6daeIFVpYutvl2BI> (accessed on 10.03.2026).

[16] Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated July 2, 2018 No. 09AP-24860/2018 in case No. A40-25610/16. // Arbitration case file. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/550a2f2f-f1e1-4282-91b7-fb321c147949> (accessed March 10, 2026).